

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Евгений Волокин, Олег Губарь
История и легенды одесского
Пассажа
Одесса, Черноморье, 2020

«Огромное пирожное с кремом», – так пошутил про одно из зданий Одессы писатель Лев Славин.

Думаю, что все вы хорошо знаете это здание, может быть, фотографировались на его фоне. Но видеть здание, любоваться им и знать все про него – это, как у нас говорят, две большие разницы.

Вот мы уже вступили в пространство одесского языка. А как иначе говорить об одном из самых одесских зданий, о Пассаже Менделевича?

Эту книгу Олег Губарь и Евгений Волокин написали в 2020 году. Тогда она и вышла, несколькими экземплярами, Олег успел подержать ее в руках. И лишь сейчас появились деньги, чтоб отпечатать весь тираж, 500 экземпляров.

С большим интересом прочитал и посмотрел эту книгу. Она входит в серию, придуманную Евгением Волокиным, «Старая Одесса в фотографиях». Это уже пятый том. Кстати, вместе с Гу-

барем Волокин работал над еще одним томом серии – рассказом о доме на Дерибасовской угол Ришельевской.

Несколько слов о вышедшей книге.

Нередко, говоря о доме на углу Дерибасовской и Преображенской, мы говорим: дом Крамарева. Это правильно и неправильно. Да, действительно, до Пассажа Менделевича, построенного архитектором Львом Влодеком, здесь был и дом Крамарева. Но и до него здесь были дома. Небольшие, бедные. Об этом всем знал Олег Иосифович. Теперь и мы. Крамарев приобрел этот участок в 1822 году. Вскоре начал строительство. И в 1825 году один из самых величественных доходных домов в старой Одессе был построен.

Так что Александр Сергеевич Пушкин в 1823-24 годах, когда шел в канцелярию Воронцова, надо думать, чертыхался, так как рядом шла грандиозная стройка. Зато его брат Левушка снимал квартиру в доме Крамарева. Это благодаря Олегу Губарю и Олегу Борушко на бывшем доме Крамарева висит мемориальная доска Льву Сергеевичу Пушкину.

В конце XIX века здание принадлежало уже Анне Синициной. Когда она умерла в 1886 году, братья Менделевичи выкупили здание (дата продажи – 1898 год) и заказали Льву Влодеку проект Пассажа. А дальше – чудо. Через два года величественное сооружение было построено, принято и 28 января 1900 года открыто.

Надо ли объяснять, что вся Одесса хотела увидеть Пассаж? Играл военный оркестр. Пел украинский народный хор. Рекой лилось шампанское под тосты и речи.

Здание было оборудовано по последнему слову тогдашней техники. Электричество. Паровое отопление. Многоуровневые подвалы. До сих пор, кстати, в них случаются находки... И помещения для 28 магазинов. А выше и гимназия для девочек, и газета «Одесские новости», институт, где немецкими аппаратами лечили травмы опорно-двигательной системы.

Газеты Одессы были заполнены рекламой фирм, торгующих в Пассаже. Мне приходилось видеть немалую их толику, так как там же процветал магазин предка моего коллеги Феликса Кохрихта – Якова Кохрихта.

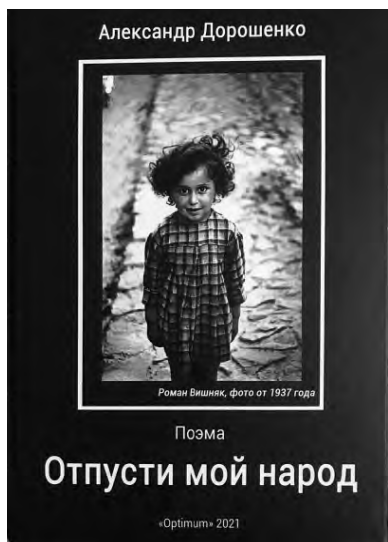
Правда, благополучие длилось недолго. Одессе не везло с пожарами. Так сгорел первый Городской театр, детище Ришелье. Горел, но, к счастью, был потушен 30 октября 1901 года Пассаж Менделевича. Погибли три человека – одна из учениц гимназии и двое пожарных. Хоронил их весь город.

Здание тоже пострадало. Сегодня на нем две скульптуры со стороны Дерибасовской – Меркурий на паровозике и Церера на носу пароходика. Точно такие же украшали крышу здания со стороны Преображенской, но они погибли при пожаре и не были восстановлены.

Кстати, скульптур в здании Пассажа море. И все они выполнены двумя одесскими скульпторами, Товием Фишелем и Самуилом Мильманом. Увы, в книге нет ничего об этих мастерах. Но зато впервые появились сведения об архитекторе здания Льве Влодеке. Очень рад этому. Я и сам искал о нем сведения и не находил, пока однажды мне не написала правнучка Влодека адвокат Юлия Бойко. Она нашла документы рода Влодеков, потомственных дворян, выходцев из Польши. Я связал Юлию с Володиным – и в книге опубликован и герб Влодека, и документы из архива. Думаю, это только начало: Юлия Бойко опубликует статью, а то и книгу о своих разысканиях, ведь Лев Львович Влодек оставил Одессе *сорок* сооружений, признанных памятниками архитектуры.

Много еще любопытного в этой книге. Помните силуэтистов, работавших в Пассаже? А я знал когда-то Изю Медведовского, который за десять секунд вырезал из черной бумаги ваш силуэт. Кстати, искусство силуэта древнее. И до революции в Одессе были силуэтисты. У меня, к примеру, хранится портрет доктора Цомакиона, вырезанный в 1910 году на Одесской выставке... Думаю, что во многих домах хранятся силуэты. И Евгению Волокину пришла хорошая мысль: закончится пандемия – собрать силуэты на выставку во Всемирном клубе одесситов.

Об этой книге в 180 страниц, где опубликованы 282 уникальные фотографии, можно рассказывать долго. Но правильнее посмотреть ее, прочитать ее. Ведь сквозь один дом видится вся Одесса.

Александр Дорошенко
Отпусти мой народ
Одесса, Optimum, 2021

Издательство «Оптимум» успело выпустить к Дню памяти Холокоста европейского еврейства книгу Александра Дорошенко «Отпусти мой народ».

Где-то полгода назад Александр Викторович присылал мне верстку книги, так что я знаком с ней, ждал ее. Спасибо директору издательства Борису Эйдельману, который, прочитав один фрагмент этой книги, буквально уговорил Дорошенко завершить работу.

Объясню. Александр Дорошенко ученый, профессор, технарь, книги для него отдушина, без которой не мог бы дышать, а значит – жить.

Всегда с большим интересом читаю его книги, он энциклопедист, любую тему, которая увлекает его, копал очень глубоко.

Всю жизнь шел он и к этой книге о катастрофе, постигшей евреев в годы Второй мировой войны. Но писать эту книгу было неизмеримо тяжело. В расстрельных ямах под Одессой и Херсоном, под Каховкой погибли многочисленные его родственники по отцу.

Признаюсь, и читать эту книгу трудно. Сдавливает горло. Откладываешь – и все равно возвращаешься.

Дорошенко назвал это свое сочинение поэмой. Как Гоголь «Мертвые души». Я бы написал – трагедия. По сути, восходящая к античным.

Дорошенко тонкий знаток Библии. И Нового Завета, и Старого Завета. Книга вся пропитана библейскими аллюзиями. Читаешь книгу – и вновь открываешь для себя мир.

Замечательно, что на нашей полке появилась, думаю, главная из написанных Александром Дорошенко книг. Большую главу из нее мы опубликовали в 84 номере нашего альманаха.

Я поздравляю издателя.

К сожалению, Александр Викторович не увидит ни книги, ни этой публикации, он умер в больнице, когда книга вышла...

А чтоб вы услышали голос автора, предоставляю ему слово, дам возможность прочесть его вступление к теме.

Александр Дорошенко

Отпусти мой народ

«Мы не менее предков наших лелеем память о пережитых нами бедствиях, но описывать их всех не хватает у нас сил».

Рабби Шимон бен Гамлиэль, трактат Суббота, II век

Книга «Отпусти мой народ» связана с темой Катастрофы народа евреев, Холокостом.

Начав ее писать, или иначе, компоновать из написанных в разное время отрывков эту книгу, автор понял, что написать ее невозможно. Сама тема тебя отстраняет. У этой книги, у этой темы есть свой голос, и он идет к нам с небес, или откуда-то еще, он не мой и не твой – это голос всех погибших и замученных, это именно то, что шептали их губы, когда они шли на смерть, – слова надежды и упования.

Эта страшная тема о массовой гибели евреев во Второй мировой войне не поддается описанию. Сказано – «Умножая, умножу скорбь твою», – но скорбь имеет свою границу, после которой сердце человека уже не различает масштаба, потому что вообще теряет возможность видеть, слышать и понимать. Или иначе – впервые начинает различать и видеть, но нам, здесь, этого лучше не видеть и не знать, до своего урочного часа.

Эта книга о том, что мы сделали с собой, со всем человечеством, со всей своею историей.

Не с евреями, но именно с самими собой, со всем тем, что мы называем человечеством, во всех прошедших тысячелетиях нашей такой короткой и такой непростой истории.

Холокост, то, что мы называем этим и иными словами, это не только страшная, небывалая в истории землян трагедия,

но предупреждение, данное нам, и, я думаю, что последнее. Может быть, у нас есть еще возможность это понять и измениться. Ничто, никакие страшные испытания не носят случайного характера, но имеют знамение вести и руководящего слова.

Скорбеть и каяться вовсе не означает изменяться, как показывает нами накопленный опыт.

Следует уяснить: либо мы станем принципиально иными, либо нас не будет вообще.

Книга «Отпусти мой народ» состоит из трех частей: «Милая светлая родина», «Уничтоженный мир» и «Обретенная надежда».

Две первые части основные по объему.

«Милая светлая родина» основана на всемирно известных фотографиях Романа Вишняка, который, рискуя жизнью, сделал их по заданию «Джойнта» в городах и штетлах земли идиш в период от 1936 по 1939 год, находясь на самом краю уничтожения своего народа.

Он предупредил о страшной опасности, надвигавшейся на человечество, и затем, уже в США, куда успел переехать, пытался докричаться, безошибочно чувствуя смертельную эту опасность, о чем позже сказал Эли Визель, лауреат Нобелевской премии мира: «Роман Вишняк выразил с болью и любовью свое отношение к еврейскому миру, такому живописному и восхитительному, который был поглощен огнем и мраком». Это чудные еврейские дети на улицах Варшавы и Кракова, торговцы на рынках Мукачево, ремесленники и раввины, ученики хедера и иешивы с удивительно светлыми лицами и глазами, в которых отражено все счастье дарованного нам мира, просто прохожие, случайно поднявшие голову на фотоаппарат Романа Вишняка, и чудесные еврейские семейные сцены – весь потерянный нами мир. Удивительно теплый, такой своеобразный и неповторимый мир, без которого мы осиротели.

«Я не смог спасти мой народ, я смог спасти лишь воспоминание о нем. Спрятанный фотоаппарат для съемки народа, который не хотел, чтобы его снимали, может вам показаться странным. Я чувствовал, что мир будет охвачен безумной тенью нацизма, и это приведет к уничтожению народа, что не окажется ни одного свидетеля, который бы смог напомнить о мучениях. Я знал, что должен сделать так, чтобы этот исчезающий мир не был стерт полностью».

«Милая светлая родина» основана на фотографиях Романа Вишняка и авторском тексте к ним – словах восхищения и любви.

«Уничтоженный мир» – самая страшная часть этой непростой книги, связанная с уничтожением народа евреев. Она основана на документальных материалах, включает фотографии и документы и адресована не столько нашей памяти, евреев и неевреев, сколько пониманию того очевидного факта, что Холокост есть трагедия каждого из нас, живущего на земле, необходимая для осознания и созидания нашего общего нового мира.

Не осознав этой вселенской беды как личного горя, мы не сможем ничего хорошего построить ни для себя, ни для своего потомства.

«Обретенная надежда» – самая короткая и самая светлая заключительная часть этой непростой книги, связанная с воссозданием Государства Израиль, о чем тысячелетия, перемещаясь по планете Земля, говорили с надеждой и уверенностью евреи, в самые светлые и самые трагические времена своей непростой жизни, –

«В будущем году в Иерусалиме».

Виктория Коритнянская
Истории, которые останутся
с нами...

Одесса, Черноморье, 2021

22 июня 2021 года мы будем отмечать трагическую дату в истории народа, а по сути, в истории каждой семьи, проживавшей 80 лет назад на территории СССР. Казалось бы, время лечит, уже четыре новых поколения пришли на землю, а боль не проходит, саднит.

Часто цитируют сегодня интервью маршала Ивана Степа-

новича Конева, где, не выдержав пафоса и патоки, он сказал, что думает о цене Победы.

Конечно – Победа была. Конечно – она выстрадана. Дорога к ней – боль и кровь.

Вот эту живую историю через десятки конкретных человеческих судеб лишь в последние два десятилетия начали создавать наши писатели. Для меня она открылась в «Блокадной книге» Даниила Гранина и Алеся Адамовича, затем в книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». И первая, и вторая построены как многочисленные диалоги со свидетелями. Одних я мог бы считать свидетелями защиты, других – обвинения на так и не состоявшемся суде над всеми, кто развязал войну.

И вот подобная по значимости книга родилась в нашем городе, на материале и Одессы, и всей Украины.

Документально-публицистическая книга Виктории Коритнянской «Истории, которые останутся с нами...» – это несколько сот монологов, записанных писательницей, разговаривающей и с участниками войны, и с «детьми войны», и с «внуками войны». Пытающейся понять, что осталось в памяти этих людей про ту, вроде бы уже далекую, но незабываемую войну.

Сто лет назад была Первая мировая. Что мы помним? Ничего! А Великая Отечественная так глубоко перепახала саму жизнь, что кровоточит и сегодня.

У Виктории Коритнянской уже были предшественники. Но все равно каждая следующая попытка собрать такую книгу – ходьба по минному полю: тревожишь души людей, оказываешься вовлеченной не в одну биографию, а в народную жизнь. Для такой работы нужно обостренное чувство сопереживания и музыкальный слух, чтобы запечатлеть интонацию каждого собеседника.

Виктория Коритнянская, сотрудник реставрационных мастерских, пришла лет пять назад в студию «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов по рекомендации Олега Губаря, показав несколько коротких рассказов. Они подкупали искренностью чувств, нежностью к своим героям. А потом Виктория принесла короткую повесть «У смерти за пазухой». И я поверил, что писатель состоялся, что это литература. Мы опубликовали ее повесть в сборнике прозы студийцев «Пока Бог улыбается». И ждали.

И вот новая – большая книга. Не парадное описание войны, подвигов и фанфар, а сострадание к тем, кого покалечила война, боль, боль, боль...

В этой книге нет пафоса. Но есть осознанная цель – показать немислимость войны, разрушающей в человеке человека.

Огромная благодарность народному депутату Украины Николаю Скорику, ставшему меценатом издания этой книги народной боли.

Издано в Киеве

Ефим Ярошевский
«Провинциальный роман(с)»
и «Собрание сочинений»
(из записок на салфетках)
Киев, Радуга, 2021

Это одна книга: ее можно читать с одной стороны – и тогда это «Провинциальный роман(с)», написанный в 1972-76 годах, можно книгу перевернуть и тогда откроется, что это «Собрание сочинений», а еще точнее – «Записки на салфетках».

Обе книги, как шампуром, проткнули литературные ассоциации. Это когда-то, сто лет назад, Михаил Булгаков написал «Записки на манжетах».

Времена были другие, рубашки другие, с накрахмаленными манжетами, а нынешнему литератору остается украдкой записывать свои радости и скорби на ресторанных салфетках.

Признаюсь, это я виноват, уговорил Ефима Яковлевича объединить в один том книги, разделенные полувеком. Потому что

писатель всю жизнь действительно писал одну исповедальную книгу. Ее подлинный сюжет – его собственная жизнь, во многих отражениях – в зеркалах Игоря Павлова, Валика Хруща, Шуры Рихтера, Толи Гланца, Миши Черешни...

Это книга об Одессе, но не о городе де Рибаса и Ришелье, Костанди и Ойстраха, это лирическая, ностальгическая, любовная картина Одессы андерграундных поэтов и художников, людей, которым время нередко не давало стать на ноги... Многие из них уехали, как и сам автор, но не мыслят – во снах, в воспоминаниях, себя вне своего города у моря.

И вновь признаюсь, что и в первой, и во второй книге где-то мелькаю и я. Это среда, в которую был вписан самой жизнью, верой в их творческий потенциал.

Ефим Яковлевич Ярошевский тогда преподавал русскую литературу в вечерней школе. И его цитаты из Пушкина или Маяковского, из Гейне или Бабеля – это не подобранные для книжки тексты, это его способ говорить, мыслить, выражать свои чувства.

Литературность – не прием, а состояние души. Конечно же, он много читал. Это современному читателю кажется новаторством, что Катаев назвал в своей книге Юрия Олешу Ключиком, а Багрицкого – Птицеловом. Ефим Яковлевич читал замечательный роман Ольги Форш «Сумасшедший корабль», где все герои существовали под псевдонимами за полвека до Катаева.

И когда у Ярошевского вы встречаете «старушек Чебукиани» вместо реальных старушек Цомакион, когда под десятком кличек появляется Игорь Иванович Павлов – это свидетельство включенности в великую русскую литературу.

В «Провинциальном роман(с)е» еще есть попытка строить сюжет, хоть очень пунктирная. Не сюжет держит читателя, а наблюдения, *метафоры* поэта и его же интонация. Ощущение, что попал в тайное тайных автора, который лично с тобой делится восприятием жизни, погружает тебя в дно Одессы, где ты сам, без проводника, заблудился бы.

Написал книгу Ярошевский о себе, а оказалось – самый точный, в чем-то беспощадный портрет поколения одесских битников, «певчих дроздов».

«Записки на салфетках» возникали как фрагменты автобиографии. Здесь и отец, не прекращающий бриться, хоть объявлено воздушная тревога, и мама, бабушка, увозящие Фиму на нефтеналивном танкере, и Мариуполь, и Ташкент... Но все равно повествование вновь и вновь сворачивает в Одессу. Появляются новые герои – вот Алла Марголина (Алиса Марго), вот вечные герои размышлений Ярошевского – Даня Шац, Леня Гильбурд, Галя Маркелова, Эдик Савлов (в реальности – Эдик Павлов), Юрочка Новиков...

Вы, конечно, читали «Ни дня без строчки» Юрия Олеши.

Ефима Ярошевского эта книга убедила, что чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд. И свои фрагменты, а это, по сути, стихи в прозе, он складывает не в хронологии, а как бы в рифму.

Действительно – это «собрание сочинений», это книга поэта и прозаика, но прежде всего поэта.

Ефим Яковлевич Ярошевский в марте 2021 умер. Но он успел подержать эту книгу в руках, обрадоваться тому, как она прекрасно издана.

И новая книга Ефима Ярошевского уходит в свою долгую жизнь.

